

Врач прописал три капельницы, но когда наступил второй день, у Сюй Танчэня не было никаких других симптомов кроме того, что он все еще был очень слаб. У него не было сил, чтобы и самостоятельно поесть. Однако больной не мог продолжать занимать временную койку в отделении неотложной помощи.

И Чжэ хотел госпитализировать Сюй Танчэня, но тот остановил его, сказав, что спросит врача, может ли он вернуться в кампус и поставить капельницы там. Врач выдал разрешение на перевод в больницу и прописал лекарства на два дня. В течение этих двух дней Сюй Танчэнь мог есть только отвар, а в самом начале он даже мог принимать только очень жидкую рисовую кашу.

Отвар, продаваемый в кафетериях кампуса, был либо слишком водянистым, либо слишком тяжелым. И Чжэ обошел все кафе и обнаружил, что там действительно нет ничего вкусного, поэтому он пошел в киоск рядом с университетом, где продавали отварное мясо, и купил две порции отвара на вынос.

В зимний день они были завернуты в куртку и все еще сохраняли тепло, когда их доставили в общежитие Сюй Танчэня.

— Это отвар из проса и тыквы, а это овощной отвар, — сказал И Чжэ, снимая крышки с обоих контейнеров. — Один сладкий, другой острый. Какой ты хочешь?

Сюй Танчэнь поднял ложку. На его руке все еще был заметен слабый след от пластыря. Он поднял глаза и увидел, что лицо И Чжэ покраснелось от дуновения ветра. Больной знал этот киоск, расположенный не очень близко к кампусу. Еда была хороша на вкус. Прогулка до киоска явно заняла минут двадцать, и даже если бы парень сел на автобус, он мог бы приехать не в то время, когда он хотел сесть.

Автобусные остановки для поездки туда и обратно также находились на некотором расстоянии от киоска. Когда он посмотрел в глаза И Чжэ, которые глядели на него, Сюй Танчэнь внезапно понял, что в них много такого, на что он никак не может отреагировать. Такая забота, так глубоко он дорожил им. В прошлом он никогда не замечал этого; теперь у него не было возможности игнорировать.

— Я буду пшеничный отвар. — Опустив голову и избегая взгляда И Чжэ, он подтолкнул другую порцию к И Чжэ. — Ты уже поел?

И Чжэ покачал головой, затем отодвинул эту порцию обратно к нему.

— Я не голоден, ты поешь сначала. Можешь чередовать отвары. Съешь немного риса и пшена, доешь суп.

Сюй Танчэнь молча взял ложку и поднес ее ко рту. Отвар был ароматным, и температура подходящей. Сделав еще два глотка, он сказал И Чжэ:

— Тебе следует поторопиться поесть в кафетерии. Еще немного, и у них кончится еда. Ешь больше, ты плохо питался последние два дня.

Он болел уже два дня, все это время И Чжэ заботился о нем, пропускал приемы пищи и худел даже больше, чем Сюй Танчэнь. Совсем недавно он выглядел вполне нормальным, но когда Сюй Танчэнь посмотрел на него сегодня, то обратил внимание на его осунувшееся лицо. Но И Чжэ отрицательно покачал головой. Он волновался и хотел понаблюдать, пока Сюй Танчэнь не закончит есть.

Старший товарищ все еще хотел убедить его самому поесть, но как раз в этот момент из-за двери комнаты в общежитии послышался звук. Держа в руках большой черный пластиковый пакет, который был шире его самого, Чэн Сюй локтем толкнул дверь и протиснулся внутрь.

— Что случилось?

Чэн Сюй сразу же поставил сумку на пол и подбежал к Сюй Танчэню.

— Чем ты так серьезно заболел?

Столкнувшись с его вопросом, Сюй Танчэнь уставился на него.

— Как ты узнал, что я болен?

Даже его однокурсники не знали, что произошло с ним. Единственным человеком, который знал, был И Чжэ. Сюй Танчэнь повернулся, чтобы посмотреть на И Чжэ. Тот поспешно покачал головой, показывая, что это не имеет к нему никакого отношения.

— Кто-то мне сказал, — уклончиво ответил Чэн Сюйчив, что вызвало любопытство Сюй Танчэня.

— Кто? — настаивал он.

Только тогда Чэн Сюй произнес чье-то имя. Когда Сюй Танчэнь услышал незнакомое имя, ему стало еще более любопытно. — Кто такой Чжэн Икунь?

— Мой однокурсник. — объяснил И Чжэ. Сказав это, он, казалось, что-то вспомнил и добавил, — Но я ничего не сказал.

По логике вещей, Чжэн Икунь даже не должен был знать, кто такой Сюй Танчэнь. Кроме той фотографии, на которой не было видно лица, Чжэн Икунь никогда его не встречал. И Чжэ хорошенько подумал и, наконец, вспомнил, что он действительно сказал Чжэн Икуню, что ему нужно лечь в больницу. В тот день он внезапно выбежал из аудитории, а затем не возвращался

в общежитие всю ночь. Чжэн Икунь, естественно, захотел выяснить причину, когда позже столкнулся с И Чжэ. Но он не спросил ничего конкретного; он только остановил И Чжэ и спросил, куда он направляется. В то время И Чжэ спешил сопровождать Сюй Танчэня, пока тот лежал под капельницей, поэтому он, не подумав, сказал: «В больницу». Размышляя об этом, И Чжэ был очень озадачен. Только из этих слов «В больницу» Чжэн Икунь мог сделать вывод, что больным человеком был Сюй Танчэнь и что он был серьезно болен?

После того, как Сюй Танчэнь выслушал объяснения И Чжэ, он помешал отвар и ничего не сказал, думая о чем-то своем. Он убедил И Чжэ поспешить в кафетерий и поесть, затем, наконец, повернулся и позвал Чэн Сюя.

— Ты близок с этим Чжэн Икунем?

— Нет. — Не задумываясь отметил Чэн Сюй и тут же покачал головой. — Ему всегда нравится дразнить меня, мне он не нравится.

Сказав это, он открыл черный пластиковый пакет. Сюй Танчэнь повернул голову, чтобы посмотреть, и увидел, что на самом деле это медведь. Он был очень большим. В этот момент он, вероятно, был бы выше Чэн Сюя. Сюй Танчэнь чуть не подавился отваром во рту от шока.

— Где ты взял такого большого медведя?

— Это... от Чжэн Икуня.

Неожиданный визитер проглотил слово «подарок». Сюй Танчэнь сразу почувствовал, что здесь что-то не так.

— Разве ты не был в рабочей поездке со своим учителем?

Чэн Сюй кивнул.

— Да, но в тот момент, когда самолет приземлился, он позвонил мне. Он сказал, что был в аэропорту, и настоял, чтобы я последовал за ним обратно в его машине. После того, как я сел в машину, он сказал, что вчера выиграл медведя в игровом автомате, и настоял на том, чтобы отдать его мне.

Если бы это было в прошлом, Сюй Танчэнь не придавал бы этому большого значения. Но то, что произошло в больнице, заставило его открыть дверь, которую он никогда не замечал. Последние два дня он прокручивал это в голове, вспоминая многое из прошлого. Сам того не осознавая, он стал более чувствительным к определенным вещам. Вместо того, чтобы называть это чувствительностью, возможно, это следует называть интуицией.

У него была еще более сильная интуиция, что человек по имени Чжэн Икунь, независимо от

того, был он мальчиком или девочкой, не подходил Чэн Сюю. Только по тому, как Чжэн Икунь сказал Чэн Сюю, что он болен и даже серьезно болен, становится понятно, что этот человек очень умен.

Они могли понять ход мыслей другого человека и легко вывести ключевые моменты, заполнив пробелы, чтобы завершить историю. Тем временем Чэн Сюй...

T/N: «Очень жидкая рисовая каша» — это было единственное, что Сюй Танчэнь мог есть в начале своего выздоровления в 田田汤 mǐ tāng. Это вода, скапливающаяся на поверхности при приготовлении риса с использованием высококачественных рисовых зерен, она очень питательна, подходит для восстановления сил после болезни.

Сюй Танчэнь думает: «были ли они мальчиком или девочкой», задаваясь вопросом о Чжэн Икуне, потому что, как упоминалось, разговорный китайский язык не делает различий между «он» и «она», поэтому, даже если Чэн Сюй имел в виду «он», говоря о Чжэн Икуне, это звучало бы не так, как если бы он имел в виду «она».

<http://bllate.org/book/13101/1158699>